

Все так умирают?

Наталия Кантонистова

Все так умирают?

«Языки Славянской Культуры»

2013

Кантонистова Н. С.

Все так умирают? / Н. С. Кантонистова — «Языки Славянской
Культуры», 2013

Эта книга – воспоминания о моей дочери, это памятник моей родной Женечке, погибшей от лейкемии в 27 лет. Эта книга – о ее детстве, юности, о двух лютых годах болезни. Это попытка сохранить Женечку в земной жизни, не потревожив ее посмертие. Эти воспоминания адресованы тем, кто потерял единственного любимого человека, это крик и плач, это попытка войти в круг добра и понимания.

© Кантонистова Н. С., 2013

© Языки Славянской Культуры, 2013

Содержание

Памяти Женечки Кантонистовой	8
От авторов	12
Наталья Кантонистова. Плач по Женечке (1972–1999)	14
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Наталия Кантонистова. Павел Гринберг Все так умирают?

«Мы не бедные, мы богатые, у нас есть крепость духа и смирение, и мы можем их растить».

«Несмотря на мой продолжительный и мучительный мыслительный процесс, главный вопрос остался непонятым: по большому счету, свобода есть?? Больше импонирует полный фатализм, но сомнения возникают все регулярней...»

Женечка одаривала безоглядно, имея к тому призвание, отдавала больше чем брала, и истаяла, отдала себя всю. Ибо уходит первым тот, кто умеет отдавать.

Женечка еще хворает, томится, скучает. «Помечтай о чем-нибудь», – прошу я.
«О чем? Все сбылось», – откликается Женечка.

«Господи, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, не мучай меня, что же тебе все мало».
Если я пыталась возражать, ведь он (она) тебя любит, ответ был: «О любви должен судить тот, кому она адресована».

«Я не боюсь смерти, я боюсь страданий. И если выпало умирать, то я буду развиваться там».

«Больше никаких больниц, я не хочу быть меньше, чем я есть. Я не хочу терять последнее, что у меня осталось – собственное достоинство».

Мы признались друг другу, что думаем одинаково: даже лучше переболеть столь тяжело и выздороветь, и жить, цenia всякие маленькие нежные прикосновения жизни.

А Женечка уговаривала меня: «Не переживай, не расстраивайся так, мама, мне не было хорошо на свободе». И одновременно мечтала об этой свободе: «Наконец-то я знаю, что с собой делать».

«Какая я счастливая. Дождь, музыка, печенье и ты рядом!» Мне мечталось видеть Женечку счастливой, вот такое нам выпало счастье.

После выхода из комы Женечка порой недоумевала: как же так, ее, Женечки, не было здесь, на земле, а жизнь шла как шла, и люди жили, как ни в чем не бывало.

Такая борьба за жизнь, за которую приходится платить собственным унижением, стала казаться Женечке мелкой, недостойной, созрела готовность отдаться судьбе.

Как говаривала Женечка: «Никто не уважает, не ценит мои муки, страдания, боль. Каждый день я живу как последний».

Порой Женечка отталкивала мысль о болезни. Нет, Женечка здорова, а эти неопровержимые муки, они не знак болезни, они какой-то другой природы. Думается, это означало, что Женечка чувствовала сохранным свое глубинное «я», болезнь его не затронула, разве что обогатила.

При оформлении книги использованы рисунки Жени Кантонистовой и фотографии из архива автора

Они будут ждать. Кажется, многие.

Почему меня? Кто я такая? Почему я в этом уверена? Почему я хочу этого? Для чего это мне нужно? – не знаю. Но знаю, что хочу быть лучше, любить сильнее. Сейчас, кажется, это главное. Главное – путь к местами едва начертанным, местами ярко обведенным идеалам. Надеюсь, что приблизительно понимаю свое назначение.

Быть лучше – это относится ко всему. Любить сильнее – это Его и Мое.

Быть лучше: стараться понимать окружающее в более близких мне проявлениях его сути и любить за это близкое. (И вот уже опять тебе ничего не хочется. Тогда надо заставлять себя.)

А надо ли?

Женечка, 10.02.1988

Памяти Женечки Кантонистовой

Это не беллетристика, не литература. Это документ прекрасной человеческой судьбы. Или, быть может, крик. Крик боли, вопль. Сплошная, на протяжении более чем двухсот страниц взрывная волна боли, любви, отчаяния. Это книга о самых трагических и серьезных проблемах, которые рано или поздно возникают в жизни каждого.

Почему она ошеломила столь многих? Людей бывалых, выдавших виды, глядевших в глаза смерти не раз и в упор – смерти не обычной, венчающей долгую, насыщенную жизнь, смерти детской, которую невозможно принять и оправдать. Ничем, никакими доводами и убеждениями. Даже верой. И реакция на эту книгу у всех одна – оторопь, шок. Цветаева бы сказала: ожог. Ожог боли. И вместе с тем вся книга – сплошной знак вопроса. Недаром он вынесен в заглавие. В чем же этот вопрос?

Живет в Москве девочка. С фотографии на нас смотрит красивое лицо – не столько обаятельное и кокетливое, сколько одухотворенное. Почему-то особенно хороша Женя с короткой стрижкой, с полуоткрытым ртом и открытой точеной шеей (август 1998 года). Во всем облике сквозит гармония и чистота. Пролистываю одну страницу и смотрю, как с обрыва в пропасть – пропасть боли и муки. Самая значительная фотография, та же, что и на обложке, – после выхода из комы. Лицо-маска из греческой трагедии с отрешенной, нездешней улыбкой. Аллегория страдания.

Девочке дано очень многое, все то, что в привычном понимании составляет счастье: мать, любившая ее невероятной, даже чрезмерной любовью, обожавшая ее всегда – с первого до последнего вдоха, одарившая неизменной заботой, вниманием, уважением.

О родительской любви стоит сказать особо. Все мы любим и даже очень любим своих детей. Отдаем им свое время, тревожимся, переживаем за них. Терпим их причуды, несправедливости, грубости, повальный эгоизм. И прощаем. Неустанно прощаем им все. Тут нет особой доблести, хотя подчас это нелегко. Но очень редко встретишь такой силы родительскую любовь, какая проступает сквозь жгучие строки этой книги. Я, по правде сказать, и не встречала. Любовь, граничащая с благоговением, которое мы способны испытывать лишь в отдельные минуты (чаще всего в юности) по отношению к очень значительным людям. Но и девочка эта особая – достойная восхищения и обожания.

А между тем как часто в семье люди словно специально созданы для того, чтобы мучить и терзать друг друга: дети – родителей, родители – детей, муж – жену и наоборот, а чаще всего – взаимно.

Но перед нами совсем другой вид отношений: девушка в двадцать пять лет помогает родителям. А мать просит у дочери прощения, мать, которая сделала для нее больше, чем могла, больше, чем во власти человека. На форзаце, во вступительном слове сказано: «Это – памятник моей родной Женечке, погибшей от лейкемии в 27 лет». Действительно, памятник – не только ушедшему ребенку, но и материнской любви.

Способности даны девочке тоже выше средних. Прекрасное образование, социологический факультет МГУ, блистательный профессор-руководитель, диплом, аспирантура, головокружительная карьера. В двадцать пять лет Женя получает приглашение на работу в Совет Европы. Какой стремительный разбег! И столь же внезапная остановка. Недомогание и страшный диагноз – острая лейкемия, рак крови. Говорят, удар судьбы. Удар наотмашь, сбивающий с ног, опрокидывающий наземь. А вслед за ним – два года таких страданий, о которых невозможно читать без слез.

Девочка незаурядна во многом. Ей свойственны безоглядная щедрость и умение отдавать. Очень рано проявляется ее пугающая зрелость. «В юности Женечка полюбила Гамсуна,

Набокова, Бродского, Довлатова, Сашу Соколова, Гессе, Томаса Манна, Фолкнера, Зингера, Кортасара, Борхеса».

Но самое, пожалуй, прекрасное в Женечке – редкое терпение и мужество во время болезни. Откуда они у совсем еще молодой девушки – барышни, как сказали бы в прошлом, теперь уже позапрошлом веке?

Мне кажется, что такие девочки встречаются ныне только в России, где только и возможна духовная и интеллектуальная жизнь такой интенсивности. Только здесь еще существует такая глубинная, подлинная причастность поэзии, литературе, живописи, такая громадная жажда знания и созидания.

А еще Женя наделена несомненным даром слова, ей дана лапидарность и художественность характеристик и определений: «Диагноз – гарантия обретения смысла, он заключается в ценности каждого мгновения» (из тезисов для конференции, посвященной времени). Может быть, это и есть один из основных уроков книги: «Неужели для того, чтобы полюбить город, надо из него уехать, чтобы начать дорожить жизнью, надо ее почти потерять, чтобы заужать работу – получить на несколько месяцев отпуск, чтобы оценить природу – годами жить в городе...»

Ценность каждого мгновения жизни перед лицом смерти еще сильнее обнаруживает непрочность и эфемерность всякого земного благополучия. И какими мелкими кажутся в этом свете наши смехотворные амбиции, репутации, борьба самолюбий, тщеславие – вся эта шелуха и пустота нашей жизни.

Женечка уезжает на работу в Страсбург. Кто из нас не мечтал бы о таком? Однако «какое нечеловеческое одиночество поджидало тут Женечку, всегда грезившую свободой и одиночеством и всегда изнемогавшую под их тяжестью... Одиночество велико и многогранно, оно может вырастить тебя, а может и погубить, все в нем: растворение, приобщение к миру и себе, к своей глубине, отчуждение и разрыв с миром». А через несколько месяцев на нее обрушится страшная болезнь.

Последние два года ее жизни иначе как подвигом не назовешь – подвигом преодоления. Об этом невозможно писать в обычной повествовательной манере. Нарастание симптомов подобно уступам ада, медицинские процедуры – словно круги очищения: повторная химиотерапия, многочисленные пункции.

Испытание болезнью, помноженное на одиночество, выковало личность необычайной духовной силы: «в противостоянии болезни, в смертельном риске человек духовно растет и дорастает до самого себя».

В книге звучит немало упреков в адрес врачей, в особенности западных. Врачей, которые не пожалели и не пожелали дать матери надежду на то, что у дочери есть шанс на жизнь. Гастроэнтеролог спокойно бросает совсем еще юной девушке: «Вы все равно умрете». Особенно сильно это ранило там, в Европе, хотя проблема эта столь же остро стоит и здесь, в России.

Для лечащего врача-гематолога больная – лишь статистическая единица. «А как хотелось верить ему, благословлять его, пренебрегать его амбициозностью, враждебностью, уклончивостью...» Но, пожалуй, самый горький и справедливый упрек в адрес врачей состоит в том, что они не сделали всего возможного, не захотели выписать доноров костного мозга, хотя они были, и трансплантация могла спасти жизнь девушки. И в довершении всего они избегали общения с родителями.

Вся книга пронизана, напоена нежностью, иногда обескураживающей, настолько все это лично, для себя и для дочери, не для читательских глаз. Мать мечется, не знает, как унять боль, о чем молиться, она готова просить о смерти, чтобы заглушить боль и быть рядом с дочерью. Об этом невозможно читать и невозможно говорить. Последние два года она буквально

пронесла дочь на руках, дважды готова была уйти вместе с ней. Какие нечеловеческие драмы разворачиваются рядом с нами, а как мы живем на их фоне?

Мне хотелось бы поцеловать эти исстрадавшиеся материнские руки и повторить то, что иногда западает в память прочнее и сильнее всего на свете, что написал однажды в сугубо личном письме к жене Мандельштам: «Любимого никто отнять не может». Мне хотелось бы хоть как-то, пусть неумело и выпренно, выразить всеобщее сострадание к обеим героиням. Всех, кому я рассказываю об этой книге и кто рассказал мне о ней. И еще мне хотелось бы написать Реквием. Реквием по всем страдающим и умирающим детям.

Первый, обычный и, в общем-то, здравый вопрос нерелигиозных людей: «Почему страдают и умирают дети? Бог не может допустить страдания невинных и безгрешных».

Наш опыт, вторя самым глубоким богословам, неустанно свидетельствует о том, что между миром и Богом лежит пропасть, что Бог вторгается в этот мир лишь Духом Святым, лишь потоками благодати и проявляется в творчестве и добре. Что тайна зла и страдания лежит в свободе, которую Бог даровал миру, и что доподлинно, реально и явственно существует метафизическое зло, которое мы так часто склонны недооценивать.

В земном плане, на поверхности вещей кажется, что перед этим злом мы бессильны. Мы боеем и умираем так же, как повелось с отпадения. Но между нами и смертью стоит распятый Бог, даже если мы об этом не знаем. Тот, Кто однажды и до конца времен заслонил нас от смерти, взял ее на себя и непреложно обещал воскресение. И только это дает нам силу и мужество выдержать все, что выпадает на нашу долю.

Когда мать переживает *такое*, ей невозможно жить дальше. А жить надо – из последних сил, скрепя сердце, уповая на грядущую встречу, которая затмит, как солнце, все временные, земные разлуки.

Памяти Жени Кантонистовой
Снова тень выкликаю оттуда,
Где последний повергнется враг,
И мелькает надежда на чудо
Или просто спасения знак.

Собиравшая в детстве камей,
Что тебе испытать довелось?
Даже словом коснуться не смею
Истонченного нимба волос.

Эти веки разошлись от соли,
И откуда-то сбоку ползла
Лава ужаса, страха и боли
Из вулкана безликого зла.

И на узеньком этом запястье
Посреди лиловеющих вен
Рвутся узы людского участия,
Ничего не оставив взамен.

Входит Вечность в больничные двери,
И Распятые темнеет в окне,

Упраздняя все споры о вере
И в церковной ограде, и вне.

Снова время больное измерьте
И ловите устами детей
Ослепительный образ бессмертья,
Восстающий из гула Страстей.

Анна Курт

От авторов

Женечка Кантонистова родилась 1 июня 1972 года в Москве. В 1989 году закончила школу № 64 (1284) с углубленным изучением английского языка. В том же году поступила на социологический факультет МГУ.

В 1994 году Женечка поступила в очную аспирантуру социологического факультета на своей родной кафедре «История и теория социологии».

Женечку, несомненно, привлекало аналитическое направление в науке. Обладая прекрасной эрудицией и памятью, умением мыслить последовательно и корректно, она из сопоставления различных мнений и подходов извлекала много нового и неожиданного, умела донести свою мысль до читателя во всей полноте и убедительности.

С марта 1994 по февраль 1997 года Женечка работала в Агентстве международного развития США специалистом проекта неправительственных организаций, куда была отобрана по результатам собеседования. Быстрый служебный рост в Агентстве, высокая оценка коллег, благодарственный сертификат, полученный из рук посла США в России – все это свидетельства высокой квалификации Женечки. В октябре-ноябре 1996 года Женечкой была предпринята поездка в США, целью которой явился сбор литературы, недоступной в России, но необходимой для продолжения работы над диссертацией в соответствии с теми высокими стандартами, которые Женечка считала для себя обязательными.

Нежная и хрупкая, прелестная, безоглядно смелая, Женечка всегда брала на себя весь груз ответственности и в личных, и в профессиональных делах, с неизменным мужеством всегда сама принимала важные решения. Со всеми и во всем была абсолютно, нестигаемо честна.

Женечка была гармоничным и поразительно искренним человеком. Все настоящее всегда привлекало ее. Женечка прекрасно разбиралась в искусстве. Как потрясающее личное событие, радующее или ранящее, переживала встречу с красотой – в живописи, музыке, книгах, кино, живой жизни. Умела быть заразительно веселой, удивляя и очаровывая всех своим громким и чудным смехом, и всегда – неотразимо обаятельной. Ее естественность, равно как и чувствительность к жизненным происшествиям, ошеломляла. И скрыть этот дар обаяния и искусство удивлять Женечка была не в силах даже при самом поверхностном общении, как не была способна к равнодушному нейтральному разговору и раскрывалась для внимательных глаз вся, даже спрашивая дорогу у случайного прохожего. Женечка не умела быть нейтральной. И не терпела банальности поведения и выражения. Некоторые люди потрясали ее, и она просто влюблялась в них, другие сразу вызывали протест. Женечка владела изысканной и своеобразной манерой разговора, очень женственной и интеллигентной – из какой-то другой эпохи, в ее рассказах самые непривлекательные персонажи приобретали романтические черты, заимствуя у рассказчика благородство натуры. Многие ее оценки людей и обстоятельств обладают тем удивительным свойством, что настигают людей через многие годы и только тогда вполне осознается их живой смысл. И ты вдруг видишь что-то ее глазами. Женечка обладала искусством выглядеть элегантно, ее живая красота жила вместе с душой и светила всегда по-разному. Изящество и грация неотступно сопровождали самые обыденные, простые Женечкины поступки, которые благодаря этому выглядели как таинства, а не как затверженные механические действия, и чувство глубокого смысла и прелести происходящего никогда не оставляло близких и любящих ее людей. В 1997 года Женечка, пройдя многоступенчатый конкурс, одна из первых российских граждан, получила приглашение на работу в Совет Европы по предоставленной России квоте. На комиссию в Страсбурге решающее впечатление произвели ее опыт, образование и неподдельная искренность. С марта 1997 года Женечка работает в Департаменте политических дел специалистом по внешним связям. В сентябре 1997 года в Братиславе на заседании Ассамблеи ООН должен был состояться ее доклад в качестве эмис-

сара Совета Европы с изложением точки зрения Совета на события в Югославии. По дороге Женечка заехала в Москву, где ей был поставлен диагноз «острая лейкемия». Женечка проходила курс лечения в больницах Страсбурга. Два с половиной года болезни она несла на себе страшный груз физических и душевных страданий. Были и боль, и ужас, и «переоценка ценностей», и героическая стойкость. В тесной клетке мук Женечка узнала о жизни и смерти что-то, многим из нас, «свободным», недоступное.

19 ноября 1999 года в возрасте 27 лет Женечка скончалась.

Наталия Кантонистова, Павел Гринберг

Наталия Кантонистова. Плач по Женечке (1972–1999)

Женинька, маленькая, прости меня, прости меня, прости меня.

Доченька, доченька!

Все тебе, все твое!

Эти горы, вдали синеющие, горькие, пыльные, влекомые, влекущие, небо и землю соединяющие.

Твои – водопады, речушки, пруды, прудики, моря, океаны, лужи, окомы.

Твои – цветы, рдеющие, лиловеющие, льющие синеву, горделивые, застенчивые, устремленные к солнцу, прячущиеся от него, влюбленные в жизнь.

Твои – травы, трепещущие на ветру, деревья ветвистые, деревья круглолицые, нежность рождающие, силы дарующие.

Солнце, звезды, их свет, небо, осиянное их светом, воздух, напоенный их музыкой.

Доченька, Доченька, откройся, прими эти дары. И любовь, огромней которой нет, прими!

Радуйся!

Так написала я в дни первого нарождающегося ужаса, и листочки, вырванные из блокнота, положила Женечке, лежащей на больничной койке, под подушку. Листочки эти сохранены вместе с единственным письмом, посланным мною Женечке, и возвращены мне за ненадобностью. Адресат их, моя Женечка, моя маленькая, ушла из этого мира.

Где ты теперь, Женечка? Отзовись!

Прости меня, маленькая, прости и за то, что твой уход столь велик для меня, а я для него столь мала, что не могу почувствовать все целиком. Все какие-то фрагменты, осколки, и боль крошечная.

Прости меня, маленькая, наверное, я делаю и говорю что-то не так, я совсем потерянная. Да, мне не хватает бесстрашия, силы духа последовать за тобой, веры в то, что мы где-то там встретимся. Маленькая Женинька, я все думаю о твоих муках: как же безмерны, как чудовищны они были, и все так же не могу понять и, конечно, никогда не пойму, Господи, для чего же они были.

Женинька моя, помнится, не раз я виноватилась в большом и малом, все житейские сложности и все неразрешимое бытийное пытаюсь покрыть, разрешить своей виной. А ты, Солнышко мое, противилась, и, должно быть, не только для того, чтобы облегчить мне ношу, а по своему пониманию мироустройства. «Я думаю, в мире есть что-то, помимо твоей вины», – так не раз говорила ты, моя Женинька.

Когда-то, теперь кажется, совсем давно, когда все по нынешним меркам было благополучно, думала я порой о возможности того, что моя маленькая когда-то уйдет, конечно, когда меня уже не будет, и думала как о чем-то мирном и естественном. Ведь Женечка такая необыкновенная, ей дано будет проникнуть в те области и сферы, где нет места страху.

Но мы не успели, и даже моя маленькая, мое солнышко, моя Женинька не успела, хотя и были взлеты: «Мы не бедные, мы богатые, у нас есть крепость духа и смирение, и мы можем их растить».

А вот вырастить их мы, наверное, не успели... Говорю от себя, и полноты знания в том нет, и все же, все же чаще нас с головой накрывали отчаяние и мрак, враждебность и безжалостность мира.

Моя маленькая, моя Женечка, в марте 1997 года уехала из Москвы, из дома, работать в Страсбург, а к сентябрю из отдельных недомоганий сложился страшный диагноз – лейкемия. Диагноз был поставлен четвертого сентября, в районной поликлинике, в Москве, куда Женечка приехала на каникулы. Не мешкая, за Женечкой прислали «Скорую помощь», чтобы отвезти в больницу. Мы тогда, на что-то надеясь, сомневаясь в диагнозе, да просто потеряв голову, ехать отказались и отправились в Гематологический центр РАМН РФ на следующий день сами. Диагноз там подтвердили, и доктор Менделеева посоветовала Женечке лечиться во Франции, коль скоро есть такая возможность. Помню я, неофит в ту пору, подошла к недоброй памяти доктору Грибановой и начала ее расспрашивать о трансплантации костного мозга, полагая, что именно в ней, в этой самой трансплантации, может быть, наше спасение. И бескорыстно-жестокая доктор Грибанова на мои наивные вопросы просто так, безо всякой на то нужды, ответила: «До пересадки мозга надо еще дожить». Еще один удар в солнечное сплетение, а сколько их еще будет. Подобрал меня в тот день доктор Шкловский, вдохнувший веру словами: «С этим диагнозом можно жить и иметь семью». «Жить и иметь семью», – так я себе потом и твердила, так твердила и Женечке.

Седьмого сентября Женечка улетела в Страсбург, и началось ее лечение в Страсбургском госпитале. Нам объяснили, что лечение по плану состоит из трех циклов химиотерапии, а там, Бог даст, с такой-то долей вероятности, Женечка будет здорова. Девятнадцатого ноября 1999 года Женечка умерла.

Я записала, что вспоминалось о двух лютых годах, записала с тем, чтобы как можно дольше быть рядом, не отпускать, держать за руку, гладить по головке, не умея уйти вслед и не умея жить, болтаясь на юру, ни жива ни мертва, и все надеясь собрать силы, обрести бесстрашие и отправиться вслед за Женечкой. Порой обволакивает спасительное чувство: все сон, все снится, это – невозможно, этого не может быть, но ощущение такое слишком скоротечно, не удержишься. Порой, как Женечка, ее же словами молю: «Господи, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, не мучай меня, что же тебе все мало». И от себя: «Господи, подари мне смерть, не медли».

Как, почему Женечка оказалась в Страсбурге? Должно быть, то было бегство от тупиковых отношений, переживаемых со свойственной Женечке исступленностью, пронзенностью ими до мозга костей. К тому же жажда независимости, самостоятельности, потребность в самутверждении. Можно, конечно, все это объединить, обезличить понятием судьбы. Но зачем? Ведь для человека судьба проливается дождями, встает радугами, волнует изломами рек, очертаниями холмов, светоносным струением воздуха, порывами навстречу горю или радости.

Боже, и какое же нечеловеческое одиночество поджидало тут Женечку, всегда грезившую свободой и одиночеством и всегда изнемогающую под их тяжестью, не переставая мечтать о них. Одиночество велико и многогранно, оно может вырастить тебя, а может и погубить, все в нем: растворение, приобщение к миру и себе, к своей глубине; отчуждение и разрыв с миром.

Быть одной – так трудно, непосильно, так бездонно. Быть с людьми – так легко, празднично, и так мучительно: слова, ложь, раздрызг и так чужд ты самому себе. Как не надорваться? Как найти зовущее тебя одиночество, в котором растворение, равновесие с душой мира, равное для тебя, моя Женечка, жизни.

Женечкино самостояние, то, что было стержнем в моей маленькой, подвергалось угрозе размывания, и особые силы были нужны для поддержания своей целостности.

Моя маленькая, мой малыш, мне становится немного трудно так к тебе обращаться, как будто все более явственно вырисовывается для меня твое величие: пройти через годы мук, умирания гордо, отталкивая унижение, отказываясь от помощи, с готовностью пройти через все муки одной, лишь бы сохранить себя, свою суть. Моя маленькая, моя драгоценная, моя святая, я все не могу понять, это непостижимо, мой малыш, разве так могло случиться, разве ты ушла, и мы все так навсегда и будем виноваты перед тобой, и ничем, ничем нельзя искупить

свою вину каждому из нас, внесшему свою лепту в твою гибель, не научившему тебя радости, не подарившему тебе ласки, света, нежности, восхищения твоей мудростью, самостоянием, красотой, изысканностью.

Моя любимая, на коленях молю, только принимай мою любовь, мое восхищение, мое обожание, где бы ты ни была, они дойдут до тебя, даже если ты забыла меня... Это страшно, но даже если это так, прими мою любовь, да найдет и согреет она тебя повсюду, моя главная, моя единственная, такая маленькая и такая мужественная.

Да святится имя твое!

* * *

Значит, нету разлук.
Существует громадная встреча.
Значит, кто-то нас вдруг
в темноте обнимает за плечи,
И, полны темноты,
и, полны темноты и покоя,
Мы все вместе стоим
над холодной
блестящей рекою.

Иосиф Бродский

Собираясь еще только на конкурсное собеседование в Страсбург, Женечка ходила в Библиотеку иностранной литературы и меня брала с собой.

Я видела в том незаслуженный подарок, принимала с восхищением и недоумением: «За что мне такое счастье?» То был наш излюбленный маршрут: по бульварам вниз, к Яузе. Рассматривали прекрасные альбомы, среди них с видами Страсбурга. С особым пристрастием вглядывались в страсбургские каналы, в их конфигурацию, их иероглифы; они прельщали, завораживали, манили.

Но Женечкины волосы, почему они так безжизненны, в них нет силы, защиты, их красота куда-то спряталась, почему так согбенна фигурка, так пожухли все краски жизни?

Да, мне впору каяться и в том, что я поддерживала Женечку в ее желании уехать – столь она была несчастлива, столь неприкаянна в Москве, а мне мечталось видеть Женечку счастливой, и не знала я, как помочь, только просила переждать, ибо образуется, изменится что-то. Но не в Женечиной натуре было ждать, вот этого она в ту пору совсем не умела.

Тут-то и всплыл этот Страсбург, напряжение конкурса, «успех», как в то время называлась поджидавшая нас катастрофа. Женечка как будто была убеждена, что будет принята на работу в Совет Европы, и утверждала, что с первого марта уже начнет работать в Страсбурге. Это при том, что ожидание результатов было невероятно напряженным. Четырнадцатого января 1997 года Женечка с повисшими несчастливо волосами рыдает в кресле, не имея больше сил ждать, не имея сил верить, отказываясь не верить. А на следующий день звонок – приглашение на работу, приглашение в смерть. Что мы почувствовали? Да, наверное, все сразу: и радость, и гордость, и удивление, и растерянность, и горечь разлуки. Мы обмирали, терзались, тщеславились, горевали.

Отмечаем наш «успех» в итальянской пельменной на Тверской, пытаемся найти в себе радость. Пельмени оказываются вкусными, и на том спасибо.

В первый же выходной отправляемся к Центральному дому художников за картинами в новое страсбургское Женечкино жилище. Женечка выбрала мастерски выполненную, многозначительную, холодновато-загадочную яркую даму, которая так и пребывала декоративным пятном в последующих Женечкиных квартирах. Я же споткнулась о неистовую деву, белую на красном фоне, принимающую от голубя весть о спасении. И Господи, как же потом она властвовала над нами, мучила, осеняла, дарила и отнимала надежду. И Женечка уже в последние сроки, читая Библию (так сосредоточенно впервые), вычитала, что голубь принес миртовую ветвь в Ноев ковчег, будучи выпущен вторично, и готовы мы были узреть в том угодный нам смысл.

Из домашней библиотеки Женечка отбирает книги в новый свой дом. Библия, И. Бродский «Стихотворения, проза», И. Бродский «О Цветаевой», А. А. Аверинцев «Риторика и истоки европейской традиции», М. Цветаева – двухтомник, «Небесная арка. Цветаева и Рильке», Р. М. Рильке «Новые стихотворения», О. Мандельштам «Стихотворения, очерки, статьи», Х. Кортасар – четырехтомник, Х. Борхес «Коллекция», Н. Покровский «Р. У Эмерсон», Н. Покровский «Г. Торо», Н. Покровский «Ранняя американская философия», «Лабиринты одиночества» – сборник статей, под ред. Н. Покровского, Никита Евгениан «Повесть о Дросилле и Харикле», Л. Витгенштейн «Человек и Мыслитель», Л. Витгенштейн «Философские труды», М. Хайдеггер «Введение в метафизику», И. Ильф, Е. Петров – двухтомник, Саша Соколов «Между собакой и волком» и «Палисандрия», «Малоизвестный Довлатов», В. Ерофеев «Страшный суд», М. И. Пыляев «Старая Москва», И. Бунин – двухтомник, Ф. Достоевский «Бесы». Множество словарей и материалы для написания диссертации.

За два дня до отъезда мы гуляем по Кремлю, заходим в соборы, вглядываемся в иконы, то есть Женечка в иконы, а я – в Женечку. Может быть, то было касание святыни, приобщение к тайне красоты, не подвластной времени, поиск благословения. На нас смотрели суровые, беспощадные, не дарящие света лики. Из сегодняшнего дня могу сказать: не было тогда пронизывающего холода и страха, были смелость и стоицизм собравшегося в путь.

Накануне отъезда сидим во французском кафе на площади Маяковского, молча разговариваем. Чувства придавлены камнем. Внезапно прорываются бурными слезами. Мне кажется, мы с Женечкой похоже плачем, а вот смеемся совсем по-разному. Разлука, нас ждет разлука, но не долгая, нет, не долгая – Женечка собирается в скором времени пригласить родителей в Страсбург.

* * *

...но ни одному из них не приходила в голову та простая мысль, что им не может быть известна та болезнь, которой страдала Наташа, как не может быть известна ни одна болезнь, которой одержим живой человек: ибо каждый живой человек имеет свои способности и всегда имеет особенную и свою, новую, сложную, неизвестную медицине болезнь, не болезнь легких, печени, кожи, сердца, нервов и т. д., записанных в медицине, но болезнь, состоящую из одного из бесчисленных соединений в страданиях этих органов.

Лев Толстой. Война и мир

Девятого сентября Женечка ложится в Страсбургский университетский госпиталь в отделение онкогематологии. Здесь с больными не миндальничают, не церемонятся: в первый же день выкладывают им диагноз и малоутешительный статистический прогноз. Обрушивают на человека, и без того выбитого из колеи, ослабленного недугом, удар предстояния перед смертью. Всякому ли такое под силу? Вы верите в описываемую в книгах «философскую смерть»? Господа врачи, вы знаете таких людей, свободных от ужаса, страха смерти, страха умира-

ния? И себя причисляете к таковым? Что же, у вас будет возможность испытать себя на этом поприще. Всей силой своего страдания желаю успеха, господа, вам, натешившимся зрелищем чужих страданий и смертей и потерявшим представление о смертной муке, о цене человеческой жизни. А коль скоро вы не цените тутошнюю земную жизнь, то и место вам не в больнице, а где-нибудь в святой обители или святом одиночестве. Так ведь нет, все вы – махровые материалисты. Это я вам, доктор Мульвазель, и вам, доктор Курц, не пощадившим, не подарившим надежды людям, доверившимся вам. Для этих врачей человек не имеет права на болезнь, или, если иначе, болеющий не есть человек.

Мой же страшный опыт ровно о другом: в противостоянии болезни, в смертельном риске человек духовно растет и дорастает до самого себя, до сопричастности чужой, нет, не чужой – общей боли. А по гамбургскому счету мой крик, мой протест обращен ко всей современной медицине, внедрившей в умы своих адептов такое безжалостное отношение к мученикам, и ко всем моим беспощадным современникам, разделяющим такой этический подход, простить которым Женечкину предсмертную муку и смерть по эту сторону смерти, преодолеваемые Женечкиным бесстрашием и силой духа, и все равно непреодолимые, не могу.

Все-таки милосерднее, как в старые добрые времена, умолчать о диагнозе или хотя бы о прогнозе. А если уж сообщаешь о диагнозе, то будь добр, истинно добр, поддержи человека в его вере в выздоровление.

Утешитель и специалист в одном лице – такое сочетание маловероятно, места первым в отделении онкогематологии не предусмотрено. Известно, что психотерапевтическая поддержка раковых больных нередко освобождает их от болезни. А если иначе сказать, душа первична, господа.

Поддержание стойкости духа у больных здесь, в онкогематологическом отделении, вероятно, возлагается на священнослужителей, время от времени со скорбно-просветленными лицами обегающих палаты и предлагающих, как коробейники из своего сундучка, кому что: кому сочувствие и надежду, кому свои представления о загробной жизни. Меня одна из таких сестер милосердия спросила: «Все еще надеетесь?» (И что мол, время и силы попусту тратите?)

Женечка лежала тогда в беспмятстве с черно-фиолетовыми веками.

Родственникам, на чьих глазах погибает их ребенок, их главный человек, им что ли вверяется функция поддержки? Именно тогда, когда они сами в ней бесконечно нуждаются. Посмотрите на родных, как они вам покажутся.

Способны они, каждый из них, иссеченный страшными муками своих главных и единственных, на ту поддержку, в которой нуждается бесконечно любимый ими человек?

* * *

Что касается тех, кто понимает язык птиц и знает лучше чужую печень, нежели свою собственную, то, полагаю, скорее должно им внимать, чем их слушаться.

Да, кто-то способен. Одну такую женщину, оберегающую и вытягивающую из бездны мужа, я видела, но только одну. Скажу еще, что у этой Женщины (с большой буквы написано само и не случайно) были братья и сестры, было четверо взрослых детей и несметное число внуков, и они, ее семья, поддерживали эту женщину и давали ей силы держать мужа на этом свете. Эта Женщина и нас с мужем поддерживала. Мне, например, рассказывала, что она опросила многих больных, и у всех все было хорошо, так прямо и говорила: «У всех все было хорошо». Я смотрела и слушала ее, раскрыв рот, не то чтобы веря всему что она говорит, но хоть немного просветляясь. И к Женечке эта Женщина заходила с улыбкой и добрым словом, иногда с забавной игрушкой, и в гости Женечку по выписке приглашала, вовек ее не забуду

«Круговая порука добра». Муж ее не скажу что здоров, но жив и бодр. Женщина эта – Кристиан Зифферманн, психотерапевт по призванию, а лучше – целитель души, какие и нужны в первую очередь в таких отделениях, отделениях «пропавших». Такими видят своих пациентов нынешние специалисты от медицины – даже слово «доктор» не могу из себя выдавить: доктор по определению добр и милосерден, и знаю я это с детства, а все, что знаешь с детства, – непоколебимо. Потому что таким добрым и мудрым доктором был мой дедушка – Николай Абрамович. И произнося это слово – доктор, я всякий раз вижу дедушку и всех равняю по нему

Светлая ему память.

Но здешние специалисты видят свое назначение только в точном (дай Бог, чтобы так) следовании так называемой программе, статистически обобщающей опыт ведения подобных больных и заодно предающей одного-единственного человека и снимающей с врача ответственность за результат лечения, воспитывающей в нем безразличие к человеку, приоритет статистики. Это какой-то нечеловеческий, механистический, в нашем случае «химический» подход. Не знают они, не ведают, что ли, что вера в выздоровление почище всех их химических колб чудеса творит? Кто-нибудь когда-нибудь из власть предержащих подумает об этом? Или только тогда, когда его единственный будет смертельно болеть?

* * *

Господи! Дай мне терпение, чтобы вынести то, что нельзя изменить,
дай мужество, чтобы исправить то, что изменить можно, и – мудрость, чтобы
отличить первое от второго.

Молитва оптинских старцев

Первые дни в больнице Женечка скорее возбуждена, чем подавлена. Случалось даже такое настроение свободы, что ли, пополам с растерянностью, когда казалось, что вот выпало Женечке такое время, когда она, наконец-то, предоставлена самой себе, никто от нее ничего не ждет, можно думать всласть о своем, читать, учить наизусть любимые стихи.

Женечка много смеется, ерничает, воюет с врачами. Война с врачами началась с того, что они сразу уведомили Женечку о невозможности в будущем иметь ребенка, однако после Женечкиного бунта, рыданий и переговоров, оказалось, что эту проблему можно-таки решить, введя определенный, защищающий половые железы, препарат. Женечка по этому поводу не без гордости шутила, что она тем самым защитила не только свои права, но и тех, других несчастных, попавших сюда женщин, кому в потрясении и испуге такое в голову не придет. Но и к сотрудничеству с врачами Женечка еще готова и соглашается принять участие в эксперименте – приеме нового дополнительного лекарства, однако по жеребьевке в число участвующих не попадает.

У Женечки постоянно люди, влекомые кто чем: сочувствием, любопытством, чувством долга. Женечка охотно принимает всех, во всяком случае, люди ее еще не тяготят. Часто произносит слово «смерть», с насмешкой, с вызовом, с угрозой непослушным зловредным врачам, еще не зная, что их ничем не проймешь, они выгорели дотла, люди для них лишь за стенами больницы, здесь лишь нелюди-пациенты, маргиналы, как потом, горько закавычивая, будет говорить о себе Женечка. На все лады, пытаясь справиться, повторяет Женечка ранившие ее пуще всех прогнозов непосредственные слова одного «участливого» врача, не имеющего отношения к лечению: «А вы все-таки поправляйтесь». Смерть – пока только слово, оно еще не обросло ни чувствами, ни мыслями, пока можно азартно играть в жизнь и смерть. Просит меня привезти из Москвы «Иосифа и его братьев» Томаса Манна, сборник шахматных этюдов, новую пижамку и старую шаль: красные ягоды по черному фону. Старые преданные вещи, мы так много пережили и выстояли вместе с ними, наша преданность обоюдная; сейчас

время им поддержать нас, нам не обойтись без их поддержки. К ним так хочется прижаться, они не оттолкнут, они обнимут тебя. И в больнице Женечка в эту шаль куталась, и по лесным дорогам в ней бродила, и дома, в последние сроки, на головку завязывала, когда озноб бил. Женечкин наказ нам: «Помощь принимайте, не отказывайтесь».

Приезжаем семнадцатого сентября. Женечка в той самой белой рубашке, в которой будет умирать, коротко стриженная (так подружка подготовила Женечку к потере волос), красивая, с пронзительными глазами, родная, бесконечно родная.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.